

Содержание

ИСТОРИЯ ТВОЕЙ ЖИЗНИ

Вавилонская башня	7
Понимай	31
Деление на ноль	69
72 буквы	86
Эволюция человеческой науки	136
Тебе нравится, что ты видишь?	139
История твоей жизни	175
Ад — это отсутствие Бога	223
Примечания к рассказам	249

ВЫДОХ

Купец и волшебные ворота	257
Выдох	292
Чего от нас ждут	307
Жизненный цикл программных объектов	310
Запатентованная автоматическая няня Дейси	407
Истина факта, истина чувства	416
Великое безмолвие	451
Омфал	455
Тревожность — это головокружение свободы	480
О рассказах	534
Благодарности	542

ИСТОРИЯ ТВОЕЙ ЖИЗНИ

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ*

Лежала бы башня поперек долины Сennaарской, два дня ходу понадобилось бы, чтобы пройти от одного ее конца до другого. Но башня стоит, и требуется полный месяц и еще половина, чтобы взобраться от ее основания до вершины, даже если человек не обременен грузом. Однако редкие мужи поднимаются с пустыми руками: большинство волочет за собой тачку с кирпичами. Четыре месяца минет с того дня, когда кирпич, уложенный в тачку, окажется у стены, дабы успокоиться в ней.

Хиллала всю жизнь прожил в Эламе. О Вавилоне он знал лишь то, что там скупают эламскую медь. Медные слитки грузили на корабли, а те держали путь по Каруну в Нижнее море** и оттуда уже поднимались вверх по Евфрату. Хиллала и остальные рудокопы двигались посуху с торговым караваном, везущим ядра для катапульт. Они шли пыльной дорогой, которая, петляя по предгорьям вниз через долинки, вывела их наконец на зеленые поля, расчерченные каналами и насыпями.

Никто из них прежде не видел башни. Она показалась им за много лиг: тоненькая, как ниточка из льняной кудели, линия колыбалась в знойном мареве, вздымалась из корки грязи, какой предстал сам Вавилон. Когда они подошли ближе, корка выросла в могучие городские стены, но башня заслонила все. Когда они опустили взгляд на речную пойму, то увидели шрамы, которые она оставила вокруг города: сам Евфрат протекал теперь по широкому низкому ложу, вычерпанному ради глины для кирпичей. К югу от города рядами выстроились печи для обжига, ныне остывшие.

Когда они подошли к городским воротам, башня нависла над Хиллалой. Он и вообразить не мог подобной громады: единый

---

* Tower of Babylon © Ted Chiang, 1990.

© Перевод. А. Комаринец, 2005.

** Персидский залив.

столп, в обхват, наверное, больше храма, а все-таки возносится так высоко, что исчезает из виду. Рудокопы шли, запрокинув головы и щурясь на солнце.

Нанни, друг Хиллалы, ткнул его в бок локтем, преисполняясь страха.

— И мы на это полезем? На самый верх?

— Поднимемся, чтобы рыть. Это... против естества.

Рудокопы достигли главных ворот в западной стене, откуда как раз выходил другой караван. Все притиснулись друг к другу в узкой полоске тени от стен, а Бели, старший над ними, крикнул привратникам, стоявшим на башнях:

— Мы рудокопы, призванные из земли Эламской.

Привратники обрадовались.

— Это вы прокопаетесь через свод небес? — спросил один.

— Мы.

Веселился город. Праздник начался восемь дней назад, когда на высоту отправили последние кирпичи, и продолжится еще два. Каждые день и ночь город танцевал, пел и пировал.

Бок о бок с кирпичниками пировали тягловые, чьи мышцы были как связки канатов от бесконечных штурмов башни. Всякое утро какая-нибудь артель начинала восхождение с тачками, они взбирались четыре дня, передавали свой груз следующей артели и на пятый возвращались порожними в город. Одна другую сменяли артели до самой вершины, но только самые нижние пировали с городом. Тем, кто жил наверху, послали достаточно мяса и вина, чтобы праздник растянулся на весь столп.

Вечером Хиллала и другие эламские рудокопы сидели на глиняных скамьях за полным яств столом, одним из многих, какие поставили на городской площади. Рудокопы завели разговор с тягловыми, расспрашивая о башне.

Нанни сказал:

— Один человек говорил, будто каменщики, работающие на вершине, вопят и рвут на себе волосы, если уронят кирпич: ведь четыре месяца уйдет, чтобы его заменить. А когда упадет человек, то не замечают вовсе. Это правда?

Словоохотливый тягловый Лугата покачал головой:

— Нет, это пустые байки. Наверх поднимается непрерывный караван кирпичей, каждый день вершины достигают тысячи штук. Утеря кирпичика для каменщиков ничего не значит. — Тут он на-

клонился поближе: — Но есть одно, что они и впрямь ценят больше человеческой жизни... Мастерок.

— Но почему мастерок?

— Если каменщик уронит свой мастерок, то будет сидеть праздно, пока не доставят новый. Четыре месяца он не сможет отрабатывать пищу, поэтому вынужден будет брать в долг. Утратив мастерок, каменщик безутешно стенает... Но если падает человек, а его мастерок остается, работники втайне радуются. Следующий, кто уронит свой, может взять лишний и продолжить работу.

Хиллала ужаснулся и уже было попытался подсчитать количество инструмента, взятого с собой рудокопами. А потом догадался.

— Это не может быть правдой. Почему бы не доставить наверх побольше мастерков? В сравнении с кирпичами они весят не больше пера. Да и утрата каменщика обернется немалой задержкой, разве что наверху есть лишние люди, знающие толк в кладке. Не будь таких сменных, работа бы остановилась, пока снизу не вскарабкается новый работник.

Все тягловые рассохотались.

— А ведь его не проведешь, — веселясь, сказал Лугата и повернулся к Хиллале: — Значит, вы начнете подъем сразу после праздника?

Хиллала отпил пива.

— Верно. Я слышал, к нам присоединятся рудокопы с западной земли, но пока их не видел. Ты знаешь о них?

— Да, их родина — земля, которая зовется Египтом, но они не копают руду, как вы. Они добывают камень.

— И мы в Эламе тоже добываем камень, — возразил Нанни, пережевывая кусок свинины.

— Не такой, как вы. Они рубят гранит.

— Гранит? — В Эламе добывали алебастр и известняк, но не гранит. — Ты уверен?

— Купцы, побывавшие в Египте, рассказывают, что там стоят каменные зиккураты и храмы, построенные из известняка и гранита. Из огромных гранитных глыб. А еще из гранита вырубают гигантские статуи.

— Но с гранитом работать тяжело.

Лугата пожал плечами:

— Только не им. Царские зодчие сочли, что такие камнеделы будут полезны, когда вы доберетесь до свода небес.

Хиллала кивнул. Верно, пожалуй. Кто знает наперед, что им понадобится?

— Ты их видел?

— Нет, они еще не подошли, их ожидают только через несколько дней. Однако если они не появятся до конца празднеств, то вы, эламцы, отправитесь наверх одни.

— Но ты будешь сопровождать нас?

— Да, первые четыре дня. Потом придется повернуть вспять, а вы, счастливицы, двинетесь дальше.

— Почему ты называешь нас счастливицами?

— Я мечтаю подняться на самый верх. Однажды я работал с артелью, которая ходит дальше моей, и взобрался на высоту двенадцатого дня, но выше бывать мне не доводилось. Вы же пойдете много дальше. — Лугата уныло улыбнулся. — Завидую вам: вы коснетесь свода небес.

Коснуться свода небес... Взломать его кайлами... От этой мысли Хиллале стало не по себе.

— Завидовать здесь нечему... — начал он.

— Ага, — кивнул Нанни, — когда мы закончим, свода небес коснутся все люди.

Следующим утром Хиллала пошел посмотреть на башню. Он оглядел обширный двор, который ее окружал. Сбоку стоял храм, который сам был немалых размеров, но казался карликом в тени гиганта.

Хиллала нутром чувствовал, какая это громадина. Послушать стариков, так башню возводили с таким запасом прочности, какого не имел ни один зиккурат: на ее строительство шел только обожженный кирпич, тогда как для обычных привозили простой, из высушенной на солнце глины, а обожженный пускали лишь на облицовку. Кирпичи промазывали земляной смолой, которая пропитывала закаленную в огне глину и, отвердевая, скрепляла их крепче камня.

Основание башни походило на нижние две ступени обычного зиккурата. Посреди двора стояла гигантская квадратная платформа длиной в двести локтей и высотой в сорок; по стороне, обращенной к югу, поднимались три лестницы. На этой первой платформе сложили второй уровень, поменьше, подняться на него можно было только по срединной лестнице. Лишь наверху второй платформы начиналась сама башня.

Она была шестидесяти локтей в основании и вздымалась квадратным столпом, который держал на себе груз небес. Снизу ее об-

вивала, будто кожаный ремень — рукоять, вырубленная в стене дорога. Но присмотревшись, Хиллала увидел, что дорог две и что они перевиты. По внешней кромке каждой тянулась череда колонн, не толстых, скорее широких — для тени. Поднимая взгляд, он видел чередующиеся ленты: дорога, кирпичная кладка, дорога, кирпичная кладка, дорога, кладка, пока глаз еще различал их. А башня все росла, скрываясь из виду, уходила ввысь; Хиллала моргнул и прищурился — у него закружилась голова. Спотыкаясь и пятясь, он сделал несколько шагов и с дрожью отвернулся.

Ему вспомнилась история, которую он слышал в детстве, — ее рассказывали сразу за преданием о Потопе. В ней говорилось о том, как люди снова распространились до последних пределов мира, заселив земель больше, чем прежде. А после они поплыли к краю мира и увидели, как падает с этого края океан и исчезает в тумане, где сливается с черными водами Бездны. И так люди поняли размеры своего мира и почувствовали, сколь он мал, и пожелали узнать, что лежит за его пределами, узреть все Творение Яхве. Тогда они подняли глаза к небесам и спросили себя, не там ли, над кладезями, хранящими небесные воды, стоит чертог Яхве. Так много столетий назад началось строительство башни, столпа в небеса, лестницы, по которой люди способны подняться, чтобы увидеть дело рук Яхве, а Яхве может спуститься, чтобы увидеть дело рук сынов человеческих.

История будоражила Хиллалу: это была легенда о тысячах людей, трудящихся беспрестанно, но радостно, ибо они работали ради познания Яхве. Он обрадовался, когда в Элам пришли за рудокопами вавилоняне. А теперь, когда он стоял у подножия башни, его чувства бунтовали, настаивая, что никому не положено возноситься в поднебесье. Он следил глазами за убегающими ввысь лентами, и чудилось, что они утягивают его за собой.

Но стоит ли карабкаться?

Наутро подъема вторая терраса была от края до края запружена рядами крепких тачек о двух колесах. Многие доверху были нагружены всевозможной едой: мешками с ячменем и пшеницей, чечевицей и луковицами, финиками, огурцами, хлебами и вяленой рыбой. Не было числа громадным глиняным кувшинам с водой, пальмовым вином и маслом, пивом и козьим молоком. Другие тачки щетились товарами, какие продают на базаре: бронзовыми сосудами, тростниковыми корзинами, штуками льна, деревянными табурета-

ми и столами. Были тут откормленные бык и козел, которым жрецы прилаживали на головы колпаки, чтобы животные не могли смотреть по сторонам и не боялись подъема. Их принесут в жертву, когда они достигнут вершины.

Еще здесь были тачки, куда сложили кайлы и молоты рудокопов, а также все необходимое для небольшой кузни. Старшина рудокопов приказал нагрузить несколько тачек деревом и снопами тростника.

Лугата стоял рядом с тачкой и затягивал веревки, скрепляющие вязанки дров. Хиллала подошел к нему.

— Откуда взялось это дерево? С тех пор как мы ушли из Элама, я лесов не встречал.

— К северу есть целый лес, который посадили в год закладки башни. Стволы сплавляют к нам по Евфрату.

— Вы посадили столько деревьев?

— Начиная строительство, зодчие знали, что древесины на растопку печей для обжига потребуется много больше, чем можно найти на равнине, поэтому приказали насадить лес. Есть артели, чья работа поливать его и взамен каждого срубленного дерева сажать новое.

Хиллала был изумлен.

— И это полностью покрывает потребность в древесине?

— Большую часть. На севере вырубili много лесов и сплавили по реке. — Он осмотрел колеса тачки, откупорил висевшую у него на поясе кожаную флягу и плеснул немного масла на ступицу.

Поглядывая искоса на раскинувшиеся перед ними улицы Вавилона, подошел Нанни.

— Никогда прежде я не бывал так высоко, чтобы увидеть внизу город.

— И я тоже, — сказал Хиллала, но Лугата только рассмеялся.

— Пойдем. Наши тачки готовы.

Вскоре всех работников расставили попарно и подвели к тачкам. Мужчины стали между двух тягловых жердей, к которым крепилась кожаные петли. Рудокопам назначили идти вместе с опытными тягловыми, чтобы новички держали шаг и не замедляли ход всего каравана. Лугата и еще один тягловый оказались позади Хиллалы и Нанни.

— Помните, — сказал Лугата, — держаться нужно в десяти локтях от тачки впереди вас. Когда поворачиваем, всегда тянет тот, кто справа; меняться будете каждый час.

Тягловые начали заводить свои тачки на подъем. Хиллала и Нанни пригнулись, и каждый забросил на плечо по петле. Потом они разом выпрямились, оторвав от земли передок тачки.

— Тяните! — скомандовал Лугата.

Они налегли на ремни, и тачка покатилась. Стоило сдвинуться с места, как тянуть стало совсем легко, и они зашагали, едва не насвистывая. Вот процессия достигла поворота, и снова пришлось приналечь.

— И это здесь называют легкой тачкой? — пробормотал Хиллала.

Дорогу вверх сделали такой ширины, чтобы идущий вниз мог протиснуться рядом с тачкой. За столетия колеса проделали две борозды в кирпичном основании. Потолок над головой выгибался уступчатым сводом: массивные квадратные плиты напоздали друг на друга, пока не сходились в середине. Из-за широких колонн справа проход напоминал туннель. Если не смотреть по сторонам, то и не скажешь, что находишься в башне.

— Вы поете, когда рубите проход? — спросил Лугата.

— Если камень мягкий, — ответил Нанни.

— Тогда спойте что-нибудь...

Просьбу передали остальным рудокопам, и вскоре пела вся артель.

Тени укорачивались, а люди взбирались все выше и выше. В укрытом от солнца проходе, на свежем воздухе было много прохладнее, чем на узких городских улочках внизу, где полуденный зной мог убить ящерицу, решишь она перебежать из тени в тень. Повернув голову вправо, рудокопы могли видеть Евфрат и тянущиеся на многие лиги поля, пересеченные поблескивающими в лучах солнца каналами. Вавилон представлял узором из извилистых улиц и скученных построек, ослепительных от побелки. По мере подъема их оставалось все меньше и меньше в поле зрения: город словно прижимался к подножию башни.

Снова был черед Хиллалы тянуть правую петлю, и он шел почти у колонн, когда услышал крик, раздавшийся уровнем ниже. Он уже собирался остановиться и поглядеть через край, но ему не хотелось сбиваться с шага, к тому же нижнего яруса было не разглядеть.

— Что там происходит? — крикнул он через плечо Лугате.

— Один из ваших рудокопов боится высоты. Такое иногда случается с новичками. Иной раз человек бросается на пол, отказываясь идти дальше. Однако мало кто пугается так рано.

Хиллала его понял.

— И мы знаем сходный страх. Есть люди, которым невыносимо войти в шахту; их гнетет мысль о том, что они будут похоронены заживо.

— Правда? — спросил Лугата. — Я о таком не слышал. А что ты думаешь о высоте?

— Ничего. — Но он поглядел на Нанни — они оба знали правду.

— Ты чувствуешь покалывание в ладонях, верно? — прошептал Нанни.

Хиллала потер руки о грубые волокна веревки и кивнул.

— Я тоже это почувствовал. Раньше, когда был ближе к краю.

— Может, и на нас следует надеть колпаки, как на козла и быка, — пошутил Хиллала.

— Думаешь, мы тоже задрожим, когда взберемся выше?

Хиллала задумался. То, что один из их числа поддался страху так рано, дурной знак. Он отмел эту мысль: тысячи взбирались без опаски, и глуп тот, кто позволит ужасу одного рудокопа заразить всех.

— Просто нам высота в диковину. У нас впереди месяцы, чтобы к ней привыкнуть. Когда достигнем вершины, пожалеем, что башня столь невысока.

— Нет, — сказал Нанни. — Сомневаюсь, что мне захочется снова вот так тянуть лямку.

Они оба рассмеялись.

Вечером они поужинали ячменной похлебкой, чечевицей и луком, а затем легли спать в узких коридорах, уходящих в глубь башни. Наутро рудокопы едва смогли встать, так болели ноги. Тяговые посмеялись и дали новобранцам мазь, чтобы те втерли ее в натруженные мускулы. Еще они распределили их поклажу по другим тачкам, дабы облегчить ношу новичкам.

На второй день от одного взгляда вниз у Хиллалы тряслись колени. На этой высоте дули сильные ветры, и он решил, что выше они станут воистину яростными. Он спрашивал себя, сдували ли они когда-нибудь неосторожных людишек, случайно приблизившихся к краю. Падение будет долгим, хватит времени прочесть молитву, прежде чем ударишься оземь.

Хиллала поежился.

Второй день для рудокопов походил на первый, только стоптанные ноги болели сильнее. Теперь путники могли видеть много даль-

ше, и открывающийся взору простор поражал: открылись лежащие за полями пустыни, караваны выглядели вереницами насекомых. Но ни один рудокоп не испытывал больше панических приступов, и их восхождение ничто не нарушало.

На третий день ноги у рудокопов болели по-прежнему, и Хиллала чувствовал себя немощным старцем. Однако на четвертый день осталась лишь ломота, и тачки рудокопов нагрузили как прежде. Подъем продолжался до вечера, когда они встретились со второй артелью тягловых, быстро спускавшихся налегке по соседней полосе. Обе дороги переплетались, не касаясь друг друга, но соединялись коридорами внутри самой башни. Поравнявшись, тягловые перешли с одной стези на другую.

Рудокопов познакомили с тягловыми второй артели; они беседовали друг с другом и ужинали вместе в тот вечер. На следующее утро первая артель подготовила порожняк к возвращению в Вавилон, и Лугата простился с Хиллалой и Нанни.

— Берегите свою тачку. Она поднималась до верха башни чаще, чем кто-либо из людей.

— Ты и тачке завидуешь? — усмехнулся Нанни.

— Нет, ведь всякий раз, когда она достигает вершины, ей приходится спускаться вниз. Я бы такого не вынес.

Когда в конце того дня вторая артель остановилась, тягловый, ставший позади Хиллалы и Нанни, подошел кое-что показать им. Звали его Кудда.

— Вы никогда не видели с такой высоты, как садится солнце. Пойдем. — Тягловый придвинулся к краю и сел, свесив ноги в пустоту. Но Хиллала и Нанни мешкали. — Не бойтесь. Если хотите, можете лечь и заглянуть за кромку.

Хиллала не хотел выглядеть пугливым дитятей, однако не мог заставить себя сесть на краю обрыва, который, словно скала, уходил вниз на тысячи локтей. Он лег на живот — только его голова выступала за край. Нанни лег рядом.

— Когда солнце начнет садиться, смотрите на стену башни.

Хиллала опустил было взгляд и тут же поспешил перевести его к горизонту.

— И чем же отличается здешний закат?

— Сам подумай. Когда солнце заходит за вершины западных гор, в долине Сеннаарской становится темно. Но здесь мы выше горных хребтов, поэтому еще можем наблюдать солнце. Оно должно опуститься много ниже, чтобы и для нас настала ночь.

Рот у Хиллалы открылся, когда он понял.

— Тени от гор возвещают начало ночи. Ночь приходит на землю раньше, чем сюда.

Кудда кивнул.

— Ты можешь видеть, как ночь карабкается вверх по башне — от земли к небу. Взбирается она быстро, но глаз способен за ней уследить.

С минуту он наблюдал за красным шаром солнца, потом глянул вниз и показал пальцем:

— Смотрите!

У подножия колоссального столпа крохотный Вавилон скрылся во мраке. Потом тьма поползла по башне — точно полог разворачивался вверх. Двигалась она вроде бы медленно, и Хиллала решил, что сможет рассчитать ее поступь, но, приближаясь, она набирала скорость, пока не пронеслась мимо них за долю мгновения, и вот все кругом окутали сумерки.

Перекатившись на спину, Хиллала поглядел вверх и еще успел увидеть, как тьма стремительно поднимается к вершине башни. Когда солнце ушло за край мира, небеса потускнели.

— Чудесное зрелище, правда? — спросил Кудда.

Хиллала не сказал ничего. Впервые он познал суть ночи: она — тень земли, отброшенная на небо.

Через два дня Хиллала немного свыкся с высотой. Хотя они поднялись на добрую лигу, он уже мог спокойно стоять у края и смотреть на стену вниз. Держась за колонну, он осторожно наклонился, чтобы глянуть наверх. Там башня уже не походила на гладкий столп.

— Она как будто расширяется кверху, — сказал он Кудде. — Разве такое возможно?

— Присмотрись внимательней. От стен башни отходят деревянные террасы. Они построены из кипарисовых стволов и подвешены на пеньковых канатах.

Хиллала прищурился.

— Террасы? Для чего они?

— На них насыпана земля, чтобы люди могли выращивать овощи. На такой высоте воды мало, поэтому обычно сеют лук. Вот поднимемся выше, где иногда случаются дожди, тогда увидишь бобы.

— Куда же исчезает дождь?

Кудда удивился вопросу.

— Высыхает в воздухе, конечно.

— О, разумеется, — пожал плечами Нанни.

К концу следующего дня они достигли висячих огородов. Это были плоские, густо засаженные луком платформы, подвешенные на толстых канатах, которые крепились к стене сразу под следующим ярусом террас. На каждом ярусе в теле башни имелось по несколько узких комнат, где жили семьи тягловых. Проходя, рудокопы видели женщин, которые, сидя на пороге, шили туники или трудились в огородах, выкапывая клубни. Дети играли в салочки среди тачек и без страха пробегали по самому краю. Обитатели башни приветливо улыбались рудокопам и махали им руками.

Когда пришло время вечерней трапезы, тачки поставили на землю и сняли с них съестное и другие товары, чтобы раздать здешним людям. Тягловые приветствовали свои семьи и пригласили рудокопов разделить с ними ужин. Хиллала и Нанни ели с семьей Кудды, которая приготовила вкусную трапезу: вяленую рыбу, хлеб, фрукты и пальмовое вино.

Хиллала понял, что в этой части башни вырос своеобразный городок, разбитый между двух улиц — дороги вниз и дороги вверх. Здесь был храм, где по праздникам совершали жертвоприношения. Здесь жили городские старшины, улаживающие споры. Здесь стояли лавки: товары для них привез их караван. Разумеется, город был неотделим от каравана: один не мог прожить без другого. И все же суть каравана — в преодолении пути, который начинается в одном месте и завершается в другом. И городок тоже построили как временное пристанище; он был лишь частью многовекового пути.

После трапезы Хиллала спросил у Кудды и его семьи:

— Кто-нибудь из вас бывал в Вавилоне?

Ответила жена Кудды Алита:

— Нет. К чему это нам? Путь неблизкий, а у нас есть все, что нужно.

— Вы не хотите ступить на землю?

Кудда пожал плечами:

— Мы живем на дороге в небеса. И трудимся для того, чтобы проложить ее дальше. Когда мы покинем башню, то пойдем вверх, а не вниз.

Рудокопы все поднимались, и однажды настал день, когда, взглянув за край, они увидели, что башня и вверх, и вниз выглядит одинаково. Ее стена терялась из виду задолго до того, как достигала долины внизу. Но и вершины отсюда было не видно. Куда ни глянь — одна только стена. И смотреть в обе стороны было страшно,

ибо душа не утешалась последовательностью: они перестали быть частью земли, но и частью неба не стали тоже. Башня казалась подвешенной в воздухе нитью, не привязанной ни к земле, ни к своду.

В тяжкие дневные переходы Хиллала иногда отчаивался, чувствуя, что потерял свое место в мире: как будто земля отвергла его за неверие, а небо не удостоило впустить к себе. Он возжелал, чтобы Яхве подал сынам человеческим знак, что их затея во благо. Как иначе они могут оставаться в месте, где столь неприютно душе?

Но обитатели башни и здесь были довольны своим положением: рудокопов они всегда приветствовали тепло и желали им удачи в трудах у свода. Эти люди жили в сыром тумане густых облаков, грозы видели и снизу, и сверху, из воздуха собирали свой урожай и никогда не страшились, что здесь им не место. Никто не ждал ни утешения, ни поощрения свыше.

Шли недели, солнце и луна, ежедневно стремясь к зениту, восходили все ниже и ниже. Луна заливала южную часть башни серебряным сиянием, светилась точно вперившийся в них глаз Яхве. Еще через несколько дней караван поравнялся с луной, достиг уровня первого из небесных тел. Прищуриив глаза на выщербленный лик, они любовались его величественным движением.

Потом они приблизились к солнцу. Был летний сезон, когда огненный шар над Вавилоном стоял почти прямо над головой, а значит, на этой высоте проходил близко к башне. Ни одна семья не жила в этой части, не было тут и террас, ибо жар обжигал так, что высыхали и рассыпались в пыль ячменные зерна. Здесь кирпичи скрепляли не земляной смолой, которая размягчилась бы и потекла, а запекавшей от жара глиной. Защищая от дневного зноя, колонны здесь стали совсем широкими, превратились почти в единую стену, и дорога проходила в туннеле с узкими щелями, выпускающими свистящий ветер и лезвия золотого света.

Прежде артели тягловых сменялись через равные промежутки времени, но теперь пришла иная пора. Каждое утро караван выступал в путь все раньше и раньше, чтобы как можно дальше успеть пройти в темноте. Когда они поднялись вровень с солнцем, то шли только ночью. Днем они пытались поспать — голые и потеющие под раскаленным ветром. Рудокопы беспокоились, можно ли им заснуть, не загорятся ли они насмерть до пробуждения. Но тягловые много раз проделывали этот путь и пока не потеряли ни одного человека. Со временем караван миновал уровень солнца, и тогда все стало так, как было под ним.

Только теперь солнечные лучи били снизу вверх, что казалось совсем уж противным естеству. В террасах зияли щели, чтобы дневной свет омывал растения, которые росли вбок и вниз, изгибались и тянулись к животворным лучам.

Затем караван подошел к уровню звезд, маленьких огненных сфер, разбросанных насколько хватало глаз. Хиллала думал, они должны висеть теснее друг к другу, но, хотя здесь светили крохотные, невидимые с земли звездочки, сферы все же были рассыпаны слишком уж скудно. И располагались они не на одной высоте, а занимали просторы на следующие несколько лиг вверх. Трудно сказать, насколько высоко они находились, так как ничто не указывало на размер звезд, но иногда какая-нибудь приближалась, и тогда можно было убедиться в стремительности их движения. Хиллала догадался, что все тела в небе мчатся с одной скоростью, чтобы за день успеть совершить путешествие от одного края мира к другому.

Днем небо было гораздо светлее, чем казалось с земли, — знак того, что путники приближаются к своду. Рассматривая небеса, Хиллала с удивлением заметил: здесь звезды видны и днем. С земли они терялись за яростным сиянием солнца, но на такой высоте просматривались совсем ясно.

Однажды к нему прибежал Нанни.

— В башню ударила звезда!

— Что? — Объятый страхом Хиллала оглянулся по сторонам, чувствуя себя так, словно под дых двинули его самого.

— Нет, не сейчас. Это было давно, больше ста лет назад. Один из местных стариков как раз об этом рассказывает. Отец его отца видел все своими глазами!

Они вошли в комнатку за коридором: несколько рудокопов сидели вокруг сморщенного старика.

— ...засела в кладку в полулиге кверху отсюда. Выбоину до сих пор видно, она словно исполинская оспина.

— А что стало со звездой?

— Она горела и шипела и была такая яркая, что болели глаза. Люди подумали, не извлечь ли ее, чтобы она могла продолжить свой ход, но из-за жара к ней нельзя было подступиться, и они не посмели ее погасить. Прошли недели, и она сама остыла, превратилась в шишковатый слиток черного небесного металла. Так велик был ком, что его едва можно было обхватить руками.

— Так велик? — изумленно переспросил Нанни. Когда звезды по собственной воле падали на землю, люди находили иногда не-